

Маме и Дэбу
за то, что отвечали на вопрос
и только потом вдумывались
в его жуткий смысл.
И за все прочее.

Глава I

Она не произнесла ни слова с той самой минуты, как ее привели сюда. На первый взгляд в этом нет ничего удивительного, учитывая, через что ей пришлось пройти. Но теперь, глядя на нее сквозь зеркальное стекло, он понимает, что не стоит спешить с выводами. Девушка сидит ссутулившись на жестком металлическом стуле, подперев подбородок перевязанной рукой, а другой выводит бессмысленные узоры по стальной поверхности стола. Под полуприкрытыми глазами темнеют круги, черные немые волосы собраны на затылке в небрежный пучок. Она измотана, это очевидно.

Но о психологической травме речи не идет.

Потягивая кофе, специальный агент ФБР Виктор Хановериан наблюдает за девушкой и дожидается возвращения своей группы. Или по крайней мере своего напарника. Третий член группы еще в больнице, пытается уточнить состояние остальных девушек и, если удастся, узнать их имена и снять отпечатки пальцев. Другие агенты и специалисты — в поместье. Сведений пока немного, однако и этого более чем достаточно: Виктор едва удерживается от того, чтобы позвонить домой и убедиться, что девочки в порядке. Но он лучше ладит с людьми, умеет найти к ним подход, особенно к детям, перенесшим психологическую травму. Поэтому разумнее будет остаться и побеседовать с потерпевшей.

По ее лицу и по одежде размазаны грязь и сажа. Вокруг носа и рта еще видны бледно-розовые следы от кислородной маски. Обе ладони и левое запястье забинтованы, под тонкой блузкой просвечивают бинты. Кроме этой блузки, в больнице кто-то дал ей зеленые медицинские брюки. Она дрожит, приподняв босые ноги над холодным полом, но еще ни разу не пожаловалась.

Виктор даже имени ее не знает.

Из всех, кого удалось спасти — или тех, кого спасти было поздно, — очень немногих он может назвать по имени. А эта девушка не говорила ни с кем, кроме других девушек. И даже тогда не проскользнуло ни одного имени, никаких сведений. Только... да уж, сложно назвать это словами утешения. «Вы или погибнете, или будете жить. Лучше расслабьтесь, и пусть врачи делают свое дело», — прозвучало не слишком обнадеживающе, но остальные девушки, похоже, прислушались к ней.

Она расправляет плечи, медленно вытягивает руки над головой и выгибается дугой. Микрофоны транслируют противный хруст позвонков. Потянувшись, девушка вновь опускается на стол, сложив ладони и прижавшись щекой к металлической поверхности. Она знает, что за зеркалом кто-то есть, и отворачивается к стене. Однако теперь у Виктора есть возможность осмотреть контуры рисунка.

В больнице ему дали фотографию. Чуть выше лопатки виден лишь край пестрого узора. Большую часть рисунка разглядеть сложнее, но блузка недостаточно плотная, чтобы скрыть его полностью. Виктор вынимает из кармана фото и прикладывает его к стеклу, сравнивая снимок с тем, что видит сейчас на спине девушки. Казалось бы, ничего примечательного — не будь такого же рисунка у всех прочих девушек. Кроме одной. Расцветка и контуры разные, но суть одна.

— Как по-вашему, это его рук дело? — спрашивает кто-то из аналитиков, глядя в монитор. Одна из камер установлена в углу комнаты и направлена на лицо девушки. Глаза ее закрыты, дыхание ровное и глубокое.

— Надеюсь, скоро выясним.

Он предпочитает не строить догадок, особенно в тех случаях, когда известно еще слишком мало. А этот случай — один из немногих в его карьере, когда все оборачивалось таким кошмаром, что они и представить себе не могли. Виктор привык предполагать худшее. Если пропадает ребенок, то работаешь как проклятый, ищешь, но не рассчитываешь в конце концов обнаружить бедняжку живой. Ты, может, и надеешься. Но ждешь всегда худшего. Хановериан видел тела до того маленькие, что поневоле задумывался, существуют ли гробы таких размеров. Видел детей, изнасилованных в том возрасте, когда они и слова такого не знают. Но этот случай совершенно нетипичен, и Виктор сбит с толку.

Он даже не знает, сколько этой девушке лет. Врачи дают ей от шестнадцати до двадцати двух, но от этого не легче. Если ей шестнадцать, то рядом с ней должен находиться представитель от службы опеки. Но в больнице от них и так проходу нет. Их помощь может оказаться весьма полезной, только вот при этом они здорово путаются под ногами. Виктор пытается представить, что бы делали его дочери, будь они заперты в комнате, как эта девушка. Но ни одна из них не может похвастаться такой выдержкой. Значит ли это, что она старше? Или просто научилась сохранять непринужденный вид?

— От Эддисона и Рамирес еще что-нибудь есть? — спрашивает он, не сводя глаз с девушки.

— Эддисон возвращается. Рамирес еще в больнице, с родителями самой младшей девочки, — отвечает одна из женщин.

Ивонна старается не смотреть на девушку в комнате, даже на мониторы не взглянет. Она сегодня первый день после декрета, дома у нее маленькая дочь. Виктор думает, не отстранить ли ее от дела, но она, пожалуй, и сама скажет, если ей станет тяжело.

— Это с нее начался розыск?

— Она пропала всего несколько дней назад. Отправилась в торговый центр с друзьями и исчезла. Как говорят друзья, пошла в примерочную и не вернулась.

Что ж, одной меньше.

В больнице они сфотографировали всех девушек — даже тех, кто умер по дороге, — и теперь проверяли их по базе данных. Но на это уйдет еще некоторое время. У тех, кто пострадал меньше остальных, агенты и врачи пытались узнать имена. Но они только оглядывались на эту девушку, которую явно считали своим лидером, и в большинстве своем молчали. Некоторые, казалось, что-то взвешивали, а потом принимались плакать и поднимали на уши медсестер.

Но с этой девушкой все было иначе. Когда с ней заговаривали, она просто отворачивалась. Можно подумать, ей нет никакого дела до тех, кто ее найдет.

И кое-кто из группы даже сомневается, что она жертва...

Виктор допивает кофе и со вздохом сминает стаканчик, бросает его в мусорное ведро возле двери. Он бы предпочел дожидаться Рамирес. В подобных обстоятельствах при допросе всегда желательно присутствие женщины. Вот только дождется ли он ее? Неизвестно, сколько еще времени она пробудет с родителями, и не приедут ли в больницу другие, когда в СМИ опубликуют фото. Если опубликуют, поправляет сам себя Виктор и хмурится. Он терпеть этого не может. Терпеть не может, когда фотографии жертв появляются на экранах и в газетах — и не дают им забыть того, что с ними случилось. По крайней мере,

можно подождать до тех пор, пока не придут данные пропавших девушек.

У него за спиной распахивается дверь и громко хлопает. Комната звуконепроницаема, но стекло вибрирует, и девушка, быстро выпрямившись, смотрит на зеркало. И на тех, кто за ним стоит.

Виктор не оборачивается. Никто не хлопает дверьми так, как Брэндон Эддисон.

— Какие новости?

— Сопоставили несколько последних заявлений о пропаже, родители едут. Пока что все с Восточного побережья.

Виктор убирает фотографию со стекла и прячет обратно в карман.

— А насчет нашей подопечной?

— Некоторые называли ее Майей, после того как ее забрали. Фамилии не слышали.

— Имя настоящее?

Эддисон фыркает.

— Сомневаюсь. — Он пытается застегнуть куртку, надетую поверх футболки с принтом «Редскинз»¹. Когда оперативная группа обнаружила выживших, у Виктора и его людей был выходной, и их вызывали в спешке. Зная повадки Эддисона, Виктор рад, что на футболке нет голых женщин. — Мы отправили группу обыскать дом. Может, убудок сохранил что-нибудь из личных вещей...

— Хотя мы оба понимаем, что он посягнул на самое личное, что у них было.

Эддисону, вероятно, вспомнилось увиденное в поместье. Он не спорит.

— Почему она? — спрашивает Брэндон. — Рамирес говорит, там были и другие, кто в состоянии го-

¹«Вашингтон редскинз» — американский профессиональный футбольный клуб (американский футбол).

ворить. Они напуганы, и до них, наверно, легче достучаться. А с этой, похоже, пойдет не так гладко.

— Остальные смотрят на нее. Я хочу знать почему. Им всем не терпится попасть домой, так почему же они смотрят на нее и отказываются отвечать на вопросы?

— Думаешь, она как-то причастна к этому?

— Это нам и предстоит выяснить. — Взяв бутылку воды со стойки, Виктор делает глубокий вдох. — Ладно. Давай поговорим с Майей.

Они входят; девушка устраивается поудобнее на стуле, сплетает забинтованные пальцы на животе. Ее поза вопреки ожиданиям ничем не выдает напряжения. Судя по хмурому взгляду, Эддисон тоже озадачен. Она оглядывает обоих очень внимательно, и невозможно прочесть по ее лицу, что она при этом думает.

— Спасибо, что согласились пойти с нами, — произносит Виктор, не упомянув, что особого выбора у нее и не было. — Это специальный агент Брэндон Эддисон, а я — руководящий специальный агент Виктор Хановериан.

Уголки ее губ чуть приподнимаются. Трудно назвать это улыбкой.

— Специальный агент Виктор Хановериан, — повторяет она хриплым от дыма голосом. — С ходу и не выговоришь.

— Зовите меня Виктором, если вам удобнее.

— Мне без разницы. Но все равно спасибо.

Виктор отвинчивает крышку и протягивает ей бутылку, а сам при этом обдумывает манеру общения. Она явно не из пугливых и довольно спокойно воспринимает все произошедшее.

— Как правило, на этом знакомство не заканчивается.

— Добавьте пикантных подробностей? Вы любите плести корзинки и плаваете на длинные дистан-

ции, а Эддисон щеголяет по улицам на каблуках и в юбке?

Брэндон бьет кулаком по столу и повышает голос:

— Ваше имя?

— Вы не очень-то учтивы.

Виктор закусывает губу и с трудом сдерживает улыбку. Вряд ли это поможет делу — и уж точно не поднимет настроение Эддисону, — но удержаться трудно.

— Не могли бы вы представиться?

— Пожалуй, нет. Не думаю, что мне бы этого хотелось.

— Некоторые зовут вас Майей.

— Так зачем же спрашивать?

Эддисон с шумом втягивает воздух, но Виктор не обращает внимания.

— Нам хотелось бы знать, кто вы и как здесь оказались. Мы помогли бы вам вернуться домой.

— А что, если я не нуждаюсь в вашей помощи?

— Тогда странно, почему вы не отправились домой раньше.

В этой полуулыбке и чуть приподнятой брови можно увидеть одобрение. Она довольно красива. Бронзовая кожа и светло-карие, почти янтарные глаза. Но с ней не все так просто. Ее улыбку придется заслужить.

— Думаю, мы оба знаем ответ. Главное, что я уже не там, верно? А домой могу вернуться и отсюда.

— А где ваш дом?

— Даже не знаю, существует ли он теперь.

— Мы тут не в игры играем, — ворчит Эддисон.

Майя мерит его холодным взглядом.

— Нет. Конечно же, нет. Погибли люди, столько жизней поломано... И уверена, вам пришлось оторваться от важного матча.

Эддисон краснеет и вздергивает повыше молнию куртки.

— Не похоже, что вы нервничаете, — замечает Виктор.

Она пожимает плечами и делает глоток, осторожно обхватив бутылку забинтованными руками.

— А должна?

— Людям, как правило, не по себе от разговоров с ФБР.

— Не вижу особой разницы с разговорами с... — она прикусывает рассеченную нижнюю губу.

— С кем? — мягко уточняет Виктор.

— С ним, — отвечает она. — С Садовником.

— Человек, который удерживал вас, вы говорили с его садовником?

Майя качает головой:

— Он был Садовником.

* * *

Только не думайте, что я называла его так из страха, или почтения, или из ложного чувства приличия. И вообще не я его так назвала. Это имя, как и многое другое, появилось от нашего незнания. Если мы чего-то не знали, то просто додумывали или постепенно теряли к этому интерес. Думаю, это какая-то форма прагматизма. Люди нежные и отзывчивые, которые отчаянно нуждались в одобрении других, становились жертвами стокгольмского синдрома¹. А остальные склонялись к прагматизму. Я насмотрелась и на тех, и на других, поэтому стою ближе к прагматикам.

¹ Стокгольмский синдром — психологический термин, описывающий защитно-бессознательную травматическую связь, взаимную или одностороннюю симпатию, возникающую между жертвой и агрессором в процессе захвата, похищения и/или применения (или угрозы применения) насилия.

Я услышала его имя в первый же день, как попала туда.

Когда я пришла в себя, голова раскалывалась как с самого страшного похмелья, какое мне только доводилось испытывать. Поначалу я даже глаза не могла открыть. Каждый вдох отдавался болью в черепе, не говоря уже о движении. Должно быть, я застонала, поскольку почувствовала вдруг на лице мокрую тряпку. И женский голос заверил меня, что это просто вода.

Не знаю, что меня встревожило больше: тот факт, что она, очевидно, проделывала это не в первый раз, или то, что это вообще была *она*. Среди тех, кто меня похитил, не было женщины, это я знала точно.

Чья-то рука скользнула мне под шею и осторожно приподняла. Затем к моим губам поднесли стакан.

— Просто вода, можешь мне поверить, — повторил голос.

Я глотнула. Меня не особо волновало, была ли это «просто вода» или что-то еще.

— Сможешь проглотить таблетку?

— Да, — прошептала я, и от одного этого звука голу вновь пронзила боль.

— Тогда открой рот.

Я послушалась; она положила мне на язык две таблетки и вновь поднесла стакан. Я покорно глотнула, и она вновь уложила меня на прохладную простыню. Я постаралась сдержать рвотный позыв. Потом она довольно долго молчала. Когда у меня под веками перестали плясать цветные пятна, я начала понемногу шевелиться. Тогда она сняла тряпку с моего лица и заслонила мне глаза от светильника, чтобы я проморгалась.

— Ты проделываешь это не впервые, — просипела я.

Женщина протянула мне стакан воды.

Она сидела возле кровати, ссутулившись, но и так нетрудно было заметить, какая она высокая. Высокая и жилистая. У нее были длинные ноги и крепкие мускулы, как у амазонки. А может, и львицы, потому что двигалась она мягко, как кошка. Каштановые волосы собраны в причудливую прическу и не скрывали строгих черт лица, глаза темно-карие с золотыми вкраплениями. И на ней было черное шелковое платье, застегнутое у самого горла.

Кажется, она приняла мои слова с некоторым облегчением. По-моему, лучше уж так, чем биться в истерике, а уж этим она, наверное, была сыта по горло.

— Можешь звать меня Лионеттой, — сказала она, когда я насмотрелась вдоволь и вновь переключилась на воду. — Но не нужно называть своего имени, мне все равно нельзя произносить его. Лучше забудь о нем, если сможешь.

— Где мы?

— В Саду.

— В Саду?

Она пожала плечами, и даже в этом мимолетном движении было что-то изящное, грациозное.

— Можно называть его как угодно. Хочешь взглянуть?

— И ты не знаешь, как отсюда выбраться?

Она лишь взглянула на меня.

Что ж, ладно. Я села, свесив ноги с кровати и уперев кулаки в матрас, и только тогда обратила внимание, что на мне ничего нет.

— А одежда?

— Вот, — Лионетта протянула мне обрезок черного шелка.

Это было облегающее платье. Оно доходило до колен и застегивалось вокруг шеи, и у него был вырез на спине. Глубокий вырез. Будь у меня ямочки над

ягодицами, это не укрылось бы от Лионетты. Она по-
могла мне одеться и легонько подтолкнула к двери.

Комната была довольно скромная: лишь кровать
и маленький унитаз с раковиной в углу. В другом углу
помещался своего рода открытый душ. Стены были
выполнены из толстого стекла с проемом вместо д-
вери. С обеих сторон по стеклу тянулись полосы.

Лионетта заметила, как я смотрю на эти полосы,
и нахмурилась.

— Это перегородки. Они опускаются, чтобы мы
никуда не выходили и нас никто не видел, — пояс-
нила она.

— Часто?

— Иногда.

В обе стороны от дверного проема тянулся уз-
кий коридор. Правда, слева он был довольно корот-
кий и дальше поворачивал. А прямо напротив был
еще проход, с такими же линиями, как и на стеклах.
За ним располагалась пещера, сырая и прохладная.
В темноте была видна арка, и оттуда тянуло свежим
воздухом. И перед самым выходом журчал и пенился
водопад, и свет поблескивал сквозь льющуюся воду.
Лионетта провела меня за водяной завесой в сад, до
того красивый, что в глазах начинало рябить. Он уто-
пал в зелени; среди деревьев пестрели цветы всех
мыслимых оттенков, и среди них тучами кружили ба-
бочки. Над нами высилась рукотворная скала; на ее
плоской вершине тоже росли деревья, и те, что рос-
ли на самом краю, едва не касались верхушками сте-
клянной крыши, парящей на непостижимой высоте.
Сквозь листья были видны черные стены, слишком
высокие, чтобы заглянуть за них, и небольшие про-
светы, увитые виноградными лозами. Я решила, что
там есть проходы в коридоры, подобные тому, из ко-
торого мы вышли.